

ДЕВЯТЬ

Где классовая борьба?

Где Идёт Классовая Борьба Сегодня?

Пожалуй, самый главный аргумент против марксистской теории сегодня состоит не в том, что она ошибается в своей критике капитализма, а в том, что она ошибается, настаивая на важности классовой борьбы. Зло капитализма очевидно для всех, но где же та классовая борьба, о которой говорят марксисты? Борьба, конечно, есть борьба: борьба Антиглобалистского движения от Сиэтла до Генуи, борьба сапатистов в Мексике или безземельных крестьян в Бразилии, борьба женщин и геев против дискриминации, борьба за защиту окружающей среды, и даже впечатляющий протест людей, которые вогнали самолёты во Всемирный Торговый Центр. Борьбу легко увидеть, но разве это классовая борьба? Где было рабочее движение в последние двадцать-тридцать лет? Конечно, не во главе революции. Не лучше ли тогда перестать говорить о классовой борьбе и говорить о новых социальных акторах или просто о “массах”?

В этой главе будет доказано, что классовая борьба, вероятно, никогда не была такой жестокой и свирепой, как в наши дни.

Существование Капитала Есть Классовая Борьба

Но нет, прежде всего мы должны вернуться назад. Почему мы начинаем с капитала, а не с расизма или патриархата? Разве не существует множества различных видов угнетения?

Тогда давайте не будем начинать с капитала. Давайте начнём с себя. Мы хотим изменить мир. Мы хотим изменить мир, потому что он никуда не годится, потому что он непристойно несправедлив, потому что он насильственен, потому что способ организации общества на данный момент намекает на то, что человечество, вероятно, скоро уничтожит себя. (Если вы не хотите менять мир, идите читать другую книгу.)

Изменение мира подразумевает деятельность. Если мы хотим изменить общество, тогда мы должны думать об обществе не как-оно-есть, а как о чём-то, что люди создали и что люди могут изменить. Мы должны думать о себе как о деятелях, а не как о существах. Это иногда называют материализмом или даже диалектическим материализмом: то, что Маркс подразумевает под материализмом, в основном означает понимание общества в терминах человеческого действия, «человеческой чувственной деятельности, практики» (Первый тезис о Фейербахе, 1-й абзац).

Деятельность занимает центральное место в любом революционном проекте, в любом проекте изменения мира. Вот почему революционное мышление означает мышление об обществе в терминах деятельности. Это не просто призыв к действию, к тому, что надо выбежать на улицу и что-то сделать. Это означает, прежде всего, попытку понимания общества (и нашего

собственного отречения от нынешнего общества) в терминах того, как организована человеческая деятельность, действия людей.

Один из первых поразительных для нас моментов, когда мы думаем о наших действиях, о нашей деятельности — это то, что она социальна. Трудно представить себе какую-либо деятельность, которая не зависела бы от деятельности других людей, будь то сейчас или в прошлом. Вот я сижу и пишу, и думаю об этом деле, пожалуй, как о своём великом личном поступке — но я знаю, что без усилий людей, которые собрали компьютер, провели электричество, построили здание, сделали письменный стол, написали все те книги, которые повлияли на меня, я не смог бы писать то, что пишу. Деятельность других всегда является предпосылкой нашей собственной деятельности, средством нашей деятельности; и наша деятельность становится средством деятельности других. Наша деятельность всегда является частью социального потока деятельностей.

Наша деятельность не только социальная, но и проективная. Одним из аспектов нашей деятельности является стремление изменить, сделать вещи иными, чем они есть. Наше деятельность включает в себя проекцию за пределы того, что есть. Эта проекция за пределы фундаментальна для любой идеи изменения мира. Для Маркса это было также характеристикой, отличающей людей от животных — или от машин, как могли бы добавить мы. В знаменитом отрывке из *Капитала* он противопоставляет архитектора и пчелу: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил её в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении труженика в виде идеала. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель» (Marx 1965, 178).

Что происходит с деятельностью при капитализме? Некто приходит, берёт то, что мы сделали, и говорит: «Это моё». Капиталист (а до него и феодал, и рабовладелец, но давайте сосредоточимся на капиталисте) присваивает то, что мы сделали, продукт нашего труда.

Это разрушает деятельность. Капиталист, присваивая продукт, разрушает социальный поток деятельностей. (Ну, он может быть очень хорошим мужчиной или, возможно, женщиной, и это не очень хороший поступок, но если он его не совершит, он не будет капиталистом: вот это Маркс и имеет в виду, говоря о капиталистах как об «олицетворениях капитала».) То, что мы сделали, становится его собственностью. Теперь он владеет средствами деятельности других, иными словами, средствами производства. Для того чтобы другие могли делать (и выживать), они должны получить доступ к средствам производства: это они осуществляют, продавая свою рабочую силу (свою способность делать) владельцу средств производства. Их деятельность превращается теперь в труд по приказу капиталиста, труд, производящий товары, которые, конечно, являются собственностью капиталиста и которые он может продать на рынке.

Прямая связь между нашей деятельностью и деятельностью других людей нарушена. Конечно, наша деятельность все еще является частью социального потока деятельностей, но это не

выглядит так. Теперь моё писательство предстаёт как индивидуальный акт, в котором я использую ряд вещей (компьютер, электричество, письменный стол и т.д.), за которые я заплатил деньги — всё это товары, которые я покупаю на рынке. Наша деятельность социальна, но социальна косвенно.

Социальный поток деятельности нарушен, так же как и проективный характер деятельности. Теперь капиталист, собственник средств производства, которому работница продает свою рабочую силу, решает, что будет делать рабочий. Замысел или проекция — это теперь дело капиталиста, исполнение остаётся за работницей. При этом работница низводится до статуса пчелы, лишаясь проекции, которая является отличительной чертой человека. Это происходит не один раз, это повторяющийся процесс. Поскольку капиталист присваивает продукт труда, работница оставляет трудовой процесс будучи такой же бедной, какой она была на входе, и такой же зависимой от доброты капиталиста, нанявшего её на следующий день. С другой стороны, капиталист становится всё богаче и богаче, так как продукт, произведенный работницей, стоит больше того, что он заплатил ей за её рабочую силу. Иными словами, капиталист эксплуатирует работницу, извлекает из неё большую сумму, чем платит ей.

Ну и Что?

Мы начали с таких интересных вещей, как сапатисты и Всемирный Торговый Центр, а теперь аргументация, кажется, тянет нас на фабрику, тянет нас к какой-то экономической теории общества. Вот в чём проблема марксизма, не так ли?

Нет, вы не поняли. Или, возможно, я не объяснил. Деятельность сама по себе не является экономической. Деятельность — лежать в постели, готовить ужин, есть, писать статьи и эссе, заниматься любовью, ходить на демонстрацию, сколачивать стул, производить электричество, собирать автомобиль, и т.п. Именно существование капитализма определяет большую часть нашей деятельности как труд, как «экономическую» деятельность. Дело в том, что наш единственный доступ к средствам выживания — это деньги, и наш единственный способ получить деньги — это продать нашу рабочую силу и превратить большую часть нашей повседневной работы в труд по приказу других — вот что ставит «экономику» во главу нашей жизни. Но критика капитализма — это не экономическая критика, это обязательно критика экономики. Вот почему Маркс в *Капитале* разработал не альтернативную экономику, а критику экономики (или критику политической экономии). Борьба заключается в освобождении деятельности от труда, а жизни — от экономики. Вот почему наш анализ не может начинаться с труда, а должен начинаться с действия, «человеческой чувственной деятельности, практики».

Деятельность в капитализме — это раздробленный, фрагментированный, разделённый процесс. «Разделение», — говорит Маркс, — это «действительный процесс производства капитала» (Marx 1972, 422). Капитал есть отделение подавляющего большинства людей от средств деятельности (средств производства), отделение произведённого от производителей, отделение людей от целенаправленной общественной деятельности (их «родового бытия», как выразился Маркс в *Рукописях 1844 года*), отделение людей друг от друга, отделение «труда» от других форм деятельности. Это разделение затрагивает абсолютно все аспекты нашей жизни. Работа, отделённая от труда, подвергается влиянию, поскольку она определяется как досуг, как

вторичная, как не очень серьезная — «я ничего не делаю, я просто домохозяйка» или «я ничего не делаю в данный момент, я безработный». Деятельность, которая создаёт условия для деятельности других, теперь рассматривается как производство "вещей", которые другие могут купить. Отношения между людьми, таким образом, преломляются через вещи; они овеществляются или фетишизируются, как говорит Маркс в первой главе *Капитала*. То, как мы соотносимся с действиями других, выражается через обмен вещами. Общественные отношения приобретают форму вещей (таких как деньги, товары, капитал, государство), которые мы не признаём ни формами общественных отношений, ни продуктом нашей собственной деятельности. Фетишизм относится не только к экономике, к проявлению общественных отношений в экономических формах, но и к каждому аспекту общества, к каждому аспекту того, как мы видим нашу собственную жизнь и наши отношения с другими. Каждый аспект нашей деятельности трансформируется этим фундаментальным разрывом социального потока деятельности, этим процессом разделения, который и есть капитал.

А как происходит разделение? Конечно, через борьбу. Это не происходит автоматически. Подумайте о том, что капиталист говорит нам каждый день. Он говорит: «Все эти замечательные вещи, которые вы видите вокруг себя, все эти вещи, которые вы хотели бы иметь, чтобы выжить, все эти вещи, которыми вы хотели бы наслаждаться — это всё частная собственность, это всё моё. Если вы хотите насладиться любой из этих вещей, вы можете сделать это, зарабатывая деньги. Но чтобы получить деньги, вы должны отказаться от всякой мысли проводить свои дни, делая то, что вам нравится: вы должны прийти и трудиться на меня, и если вы сделаете то, что я вам скажу, я дам вам денег, чтобы вы могли купить некоторые из этих вещей. Но имейте в виду, я дам вам денег только на то, чтобы немного продержаться сегодня, а завтра вы должны вернуться и снова трудиться на меня. И конечно, я буду нанимать вас только до тех пор, пока мне удаётся успешно эксплуатировать вас и получать от этого прибыль». Он говорит всё это так, как будто это очевидно, но, разумеется, это не так. Подумайте о несчастном капиталисте. Чтобы продолжать свое существование как капиталист, он должен убедить или заставить нас принять его, когда он говорит: "Это моё"; он должен заставить нас уважать его частную собственность. Сделать это непросто: требуются услуги миллионов полицейских и охранников, не говоря уже об учителях, социальных работниках и родителях. Затем он должен убедить или заставить нас принять ужасающую, абсурдную идею, что мы должны превратить нашу повседневную деятельность в труд под его руководством. В общих чертах, он делает это, защищая свою частную собственность, но ему все равно приходится поднимать нас рано утром (что ни в коем случае не лёгкая задача, особенно когда светит перспектива работать по команде других) и убеждать нас идти на работу, делать то, что он приказывает, и делать это эффективно (более эффективно, чем его коллеги-капиталисты, с которыми ему приходится конкурировать).

Всё это не просто. Это усложняется тем, что мы не рабы и не крепостные. Мы свободны. «Ха-ха!» — смеётесь вы, — «свободны подчиняться команде капиталиста». Да, конечно, но также, в результате борьбы рабов и крепостных, действительно свободны в том смысле, который порой неудобен для капиталиста. Он не может помешать нам пойти и продать нашу рабочую силу другому капиталисту, если мы устанем от него. Он также не может (как правило) стрелять в нас или пороть нас, если мы не подчиняемся его командам на работе. Иными словами, в отличие

от феодалов, капиталисты нуждаются в поддержке явно внешней инстанции, чтобы применить насилие, необходимое для поддержания системы эксплуатации. Эта инстанция — государство. Разделение государства и общества, разделение политического и экономического, является ещё одним очень важным аспектом процесса разделения, который и есть капитал. Государство, как часть процесса разделения, регулирует процесс разделения, насколько может: оно защищает разделение сделанного от деятельности, «это моё!» — от частной собственности, которая всё разрушает. Все системы эксплуатации — это вооружённый грабёж; что характерно для капитализма, так это то, что человек, который держит оружие, и человек, который грабит — это разные люди.

Всё это — борьба. Ну конечно же, это она. Это борьба за то, что мы думаем, как мы действуем, за то, как мы встаём утром, и, следовательно, за то, когда мы ложимся спать и за то, что мы делаем в постели; это борьба с будильником, когда мы бросаем его в стену, а затем всё же встаём, чтобы пойти и продать нашу рабочую силу. Это чрезвычайно жестокая борьба, в которой тысячи и тысячи людей погибают каждый день, потому что они отрезаны от потока деятельности и голодают, из-за репрессий против тех, кто не принимает «это моё!», провозглашаемое капиталистами, потому что то, что им приказывает делать капитал, опасно. Это борьба, которая исходит в первую очередь от них, от капиталистов. Если бы это зависело от нас, мы бы валялись в постели или занимались своими делами весь день, или страстно посвящали себя тому, что нам нравится делать. Это они не оставляют нас в покое. Именно они говорят: «Встань с постели и приходи трудиться на нас — или умри с голоду, если хочешь». Итак, борьба идёт между двумя способами действия, двумя формами общественных отношений. Капитал — это навязывание нашей жизни определенной формы деятельности, определенной формы отношений друг с другом. Капитал — это борьба как за то, чтобы превратить нашу деятельность в труд, так и за то, чтобы заставить нас работать так, как велит капитал.

И, конечно, мы боремся. Мы боремся, потому что мы пока ещё не машины. Мы боремся, швыряя будильник в стену, ложась спать поздно, даже когда знаем, что это ухудшит нашу эффективность на работе на следующий день. Мы боремся, отдавая более высокий приоритет игре с нашими детьми, чем получению прибыли. Мы боремся за более высокую заработную плату на работе или за более приемлемые условия. Мы боремся, когда выходим на демонстрацию против нищеты, порождённой навязыванием частной собственности. Мы боремся, проецируясь за пределы капитализма, мечтая о лучшем обществе, обществе, в котором мы сами будем решать, что нам делать. Мы боремся на рабочем месте и вне рабочего места. Мы боремся за иной образ жизни, иную форму общественных отношений.

Это И Есть Классовая Борьба

Классовая борьба не потому, что мы носим кепки. Классовая борьба не потому, что мы считаем себя левыми, а потому, что мы живём и хотим жить: если бы классовая борьба существовала исключительно для левых или сознательно воинствующих, не было бы никакой надежды. Классовая борьба не потому, что мы хотим быть рабочим классом, а потому, что мы не хотим быть рабочим классом. С нашей стороны это борьба не за то, чтобы быть классом, а против

того, чтобы быть классом. Именно капитал классифицирует нас. Именно капитал говорит нам каждый день: «У вас нет собственности, вы должны прийти и трудиться на нас; и тогда вы пойдёте домой без собственности и вернётесь на следующий день, и так будет до конца вашей жизни, и до конца жизни ваших детей и их детей тоже». Именно капитал гарантирует, что каждый день на фабрике производятся не только товары, но и два класса. Как говорит Маркс, «капиталистическое производство, таким образом, как простое воспроизводство производит не только товары, не только прибавочную стоимость, но также непрерывно воспроизводит само капиталистическое отношение — капиталистов на одной стороне, наёмных рабочих на другой» (Marx 1965, 578). Капиталистическое производство порождает классы, налагает дисциплину и регламентацию, загоняет наше дело в узкую полосу труда, производящего прибыль для капиталиста (или труда, поддерживающего капиталистическую рентабельность, в случае государственной занятости). Капитал сер. Мы — радуга, борющаяся за мир, в котором деятельность становится свободной, мир, освобождённый от оков производства стоимости, от цепей прибыли.

Существование капитала есть классовая борьба: ежедневно повторяющееся отделение людей от общественного потока деятельности; ежедневно повторяющееся принуждение к частной собственности; ежедневно повторяющееся превращение деятельности в труд по приказу капитала; ежедневно повторяющийся захват продуктов этого труда. Это классовая борьба, но она не выглядит таковой. Это не кажется классовой борьбой (или вообще борьбой) из-за собственной природы самой борьбы. Борьба капитала состоит в том, чтобы отделить деятелей от социального потока деятельности, но само это разделение означает, что люди больше не понимают себя как деятелей или как общество. Разделение означает, что люди выступают как индивидуумы и как существа, а не как деятели. Чем успешнее идёт классовая борьба капиталистов, тем более незаметной она становится: люди превращаются из людей, связанных общим делом, в свободных и равноправных индивидов, связанных между собой внешними институциями, такими как государство. Классовая борьба капиталистов протекает через внешне нейтральные формы, такие как собственность, деньги, право и государство. Всё это способы, которыми капитал навязывается нашей жизни в качестве формы деятельности. Капитал не говорит: «Мы собираемся эксплуатировать вас, мы собираемся заставить вас работать на нас до конца дня, потом вы поползёте измученными домой, а затем мы собираемся заставить вас возвращаться и возвращаться до конца вашей жизни». Нет, капитал просто произносит несколько ключевых слов: «Уважайте частную собственность, деньги, закон». Когда он говорит «уважайте частную собственность», это означает «постойте в сторонке, пока мы отделяем вас от средств деятельности и существования». «Уважайте деньги» означает «давайте просто продолжать разрушать все социальные отношения и опосредуем все отношения между людьми через деньги». А уважение к закону означает, что мы должны отказаться от всякой идеи формирования нашей собственной деятельности, что вся деятельность должна быть приведена в соответствие с принятием частной собственности, что мы должны склониться перед внешней силой. Классовая борьба капиталистов наряжена в либеральную теорию.

Капитал не может стоять на месте. При феодализме отношения эксплуатации были более или менее устойчивыми: то, что господин требовал от своих крепостных, не сильно менялось с течением времени. С капиталом дело обстоит иначе. Капитал постоянно движется вперёд

благодаря «волчьей жадности к прибавочному труду» (Marx 1965, 243). Тот факт, что капитал раздроблен на множество различных капиталистических единиц (компаний), каждая из которых конкурирует с другими и выживание каждой из которых зависит от способности эксплуатировать своих работников более эффективно, чем другие, означает, что капитал никак не может стоять на месте, что он постоянно движется вперёд с целью усиления эксплуатации труда. Усиление эксплуатации означает не только ужесточение дисциплины на фабрике, но и создание в обществе (то есть в мире) условий, облегчающих эту эксплуатацию. Это означает всё более и более тесное подчинение каждого аспекта жизни целям производства стоимости. Каждый аспект жизни всё интенсивнее становится полем битвы за навязывание капитала, полем битвы, на котором мы сопротивляемся и пытаемся защитить и развить то, что мы считаем человеческим или эмансипативным. В сфере образования, например, в последние годы во всех частях мира наблюдаются мощные попытки привести преподавание в соответствие с требованиями рынка (то есть капитала). Иногда это принимает форму прямой приватизации, позволяющей рынку напрямую диктовать содержание образования, иногда это означает введение различных форм контроля в рамках государственной системы образования для достижения той же цели. Конечно, это наступление встречает постоянное сопротивление — либо в форме студенческих забастовок, либо, что гораздо менее драматично, в форме работы учителей и студентов, выходящей за рамки требований рынка в попытке развить честное и критическое понимание. Иногда это принимает форму учителей, пишущих или рекомендуемых, и студентов, читающих книги, подобные этой — и внезапно обнаруживающих, что как раз в тот момент, когда они думают, что классовая борьба мертва, они находятся посреди неё.

В Последнее Время Капитал Стал Особенно Жестоким

Насилие проистекает из проклятия, которое поражает всех, кто пытается доминировать и эксплуатировать: они полностью зависят от тех, кого они эксплуатируют и над кем доминируют. Существование капитала зависит от его способности превращать деятельность в труд и эксплуатировать этот труд. И не только от этого: его существование зависит, как мы только что видели, не только от способности поддерживать эксплуатацию, но и от способности постоянно усиливать её. Ему нужно не просто подчинять общество, а подчинять его всё больше и больше. Если он не может этого сделать, он впадает в кризис. Кризис говорит капиталу, что для того, чтобы выжить, капитал должен усилить подчинение. В 1970-е годы капитал явно переживал кризис, как социальный, так и экономический. Слабость подчинения была очевидна в обществе с конца 1960-х годов: забастовки, демонстрации, студенческие движения и революционные движения во многих частях мира. Неспособность подчинить стала экономически очевидной в мировом кризисе, разразившемся в 1973-74 годах. Реакция капитала проявлялась в различных формах (акцент на возвращение к традиционным семейным ценностям и усиление полицейских, а в некоторых случаях и военных действий), но прежде всего она принимала форму денег и собственности.

Деньги занимали центральное место в классовой борьбе в течение последних двадцати пяти лет или около того. Во-первых, в первые годы правления Рейгана и Тэтчер жёсткая денежно-кредитная политика применялась как средство сокращения долга и установления рыночной

дисциплины. Когда эта стратегия стала угрожать разрушением мировой финансовой системы, был принят более гибкий подход к долгу, позволивший увеличить расходы тем (в основном крупным компаниям, богатым людям и богатым государствам), чьё благосостояние считалось необходимым для здоровья капитализма, в то же время используя долг как средство дисциплинирования тех, кого надо было дисциплинировать (в основном бедных) или просто утилизировать (большая часть населения мира не является "армией трудовых резервов" для капитала в любом смысле, а является попросту помехой).

Расширение собственности также имело важное значение для борьбы капитала. Точно так же, как в первые дни капитализма помещики вытесняли крестьян с земель, огораживали их и говорили: «Это моё», так и капитал теперь огораживает всё больше и больше областей человеческой деятельности и говорит: «Это моя собственность — это моё». Разработка концепции "интеллектуальной собственности" имела решающее значение. Капитал тратит огромные суммы денег на попытки утвердить свои права собственности на музыку, программное обеспечение, фармацевтические открытия, гены и т.д. Во многих частях мира это расширение прав собственности осуществлялось с поразительной жестокостью, поскольку традиционные сельскохозяйственные или медицинские знания общин присваивались капиталистическими предприятиями, которые патентовали эти знания без компенсации, а затем навязывали свои права собственности всем желающим, включая сами общины.

Деньги и собственность — очень жестокие формы борьбы. Они, несомненно, стали причиной гораздо большего числа смертей за последние двадцать лет, чем все войны, которые велись за последние сто лет. Тридцать пять тысяч детей умирают каждый день просто потому, что собственность и деньги отделяют их от того, что им нужно для выживания. Но деньги и собственность также являются чрезвычайно уязвимыми формами борьбы. Деньги, особенно в форме долга, постоянно оспариваются как теми, кто не хочет платить, так и теми, кто указывает на ужасные последствия для человеческих жизней, которые влечёт за собой принудительное взыскание долгов. Собственность, особенно интеллектуальная собственность, также оспаривается почти повсеместно — как теми, кто взял в привычку копировать программное обеспечение, видео и компакт-диски, так и теми, кто борется против страданий, причиняемых болезнью СПИДом, например, путем защиты фармацевтических патентов. Оба эти вопроса были важными чертами антикапиталистического движения последних лет.

Это классовая борьба? Ну конечно же, это она. Почему бы не назвать это просто множеством столкновений со стороны новых социальных акторов или «масс»? Потому что понятие класса указывает на то, что за конкретными проблемами (СПИД в Африке, копирование музыки из интернета, кредиты на учёбу, бедность в Латинской Америке) стоит единая борьба: борьба капитала за прибыль, то есть борьба капитала за эксплуатацию, за превращение деятельности в труд и навязывание своей формы общественных отношений — и наша борьба за иную форму деятельности, за общество, основанное на признании человеческого достоинства. Класс указывает на это основополагающее единство так, как этого не делает ни одна другая категория. Он также указывает на нечто фундаментальное: нет никакой уверенности в том, что мы победим, что человечество переживёт атаки капитала — но понятие класса даёт нам

надежду, ибо оно показывает, что капитал зависит от нас в своём существовании, что нет субъектов, кроме нас самих.

Библиография

- Marx, Karl. Capital, vol. 1. Moscow: Progress Publishers, 1965.
- Marx, Karl. Theories of Surplus Value, Part III. London: Lawrence and Wishart, 1972.
- Marx, Karl. "Theses on Feuerbach," In Karl Marx and Frederick Engels, Collected Works, vol. 5. London: Lawrence and Wishart, 1976.